

Сказка Ель

Стояла в лесу такая славенькая елочка; место у нее было хорошее: и солнышко ее пригревало, и воздуха было вдосталь, а вокруг росли товарищи постарше, ель да сосна. Только не терпелось елочке самой стать взрослой: не думала она ни о теплом солнышке, ни о свежем воздухе; не замечала и говорливых деревенских детишек, когда они приходили в лес собирать землянику или малину. Наберут полную кружку, а то нанижут ягоды на соломины, подсядут к елочке и скажут:

— Какая славная елочка!

А ей хоть бы и вовсе не слушать таких речей.

Через год подросла елочка на один побег, через год вытянулась еще немножко; так, по числу побегов, всегда можно узнать, сколько лет росла елка.

— Ах, быть бы мне такой же большой, как другие! — вздыхала елка. — Уж как бы широко раскинулась я ветвями да выглянула макушкой на вольный свет! Птицы вили бы гнезда у меня в ветвях, а как подует ветер, я кивала бы с достоинством, не хуже других!

И не были ей в радость ни солнце, ни птицы, ни алые облака, утром и вечером проплывавшие над нею.

Когда стояла зима и снег лежал вокруг искрящейся белой пеленой, частенько являлся вприпрыжку заяц и перескакивал прямо через елочку — такая обида!

Но прошло две зимы, и на третью елка так подросла, что зайцу уже приходилось обегать ее кругом.

«Ах! Вырасти, вырасти, стать большой и старой — лучше этого нет ничего на свете!» — думала елка.

По осени в лес приходили дровосеки и валили сколько-то самых больших деревьев. Так случалось каждый год, и елка, теперь уже совсем взрослая, всякий раз трепетала, — с таким стоном и звоном падали наземь большие прекрасные деревья. С них срубали ветви, и они были такие голые, длинные, узкие — просто не узнать. Но потом их укладывали на повозки, и лошади увозили их прочь из лесу. Куда? Что их ждало?

Весной, когда прилетели ласточки и аисты, елка спросила у них:

— Вы не знаете, куда их увезли? Они вам не попадались?

Ласточки не знали, но аист призадумался, кивнул головой и сказал:

— Пожалуй, что знаю. Когда я летел из Египта, мне встретилось много новых кораблей с великолепными мачтами. По-моему, это они и были, от них пахло елью. Я с ними много раз здоровался, и голову они держали высоко, очень высоко.

— Ах, если б и я была взрослой и могла поплыть через море! А какое оно из себя, это море? На что оно похоже?

— Ну, это долго рассказывать, — ответил аист и улетел.

— Радуйся своей молодости! — говорили солнечные лучи. — Радуйся своему здоровому росту, юной жизни, которая играет в тебе!

И ветер ласкал елку, и роса пролиwała над ней слезы, но она этого не понимала.

Как подходило рождество, рубили в лесу совсем юные елки, иные из них были даже моложе и ниже ростом, чем наша, которая не знала покоя и все рвалась из лесу. Эти деревца, а они, кстати сказать, были самые красивые, всегда сохраняли свои ветки, их сразу укладывали на повозки, и лошади увозили их из лесу.

— Куда они? — спрашивала елка. — Они ведь не больше меня, а одна так и вовсе меньше. Почему они сохранили все свои ветки? Куда они едут?

— Мы знаем! Мы знаем! — чирикали воробьи. — Мы бывали в городе и заглядывали в окна! Мы знаем, куда они едут! Их ждет такой блеск и слава, что и не придумаешь! Мы заглядывали в окна, мы видели! Их сажают посреди теплой комнаты и

украшают замечательными вещами — золочеными яблоками, медовыми пряниками, игрушками и сотнями свечей!

— А потом? — спрашивала елка, трепеща ветвями. — А потом? Потом что?

— Больше мы ничего не видали! Это было бесподобно!

— А может, и мне суждено пойти этим сияющим путем! — ликовала елка. — Это еще лучше, чем плавать по морю. Ах, как я томлюсь! Хоть бы поскорей опять рождество! Теперь и я такая же большая и рослая, как те, которых увезли в прошлом году. Ах, только бы мне попасть на повозку! Только бы попасть в теплую комнату со всей этой славой и великолепием! А потом?.. Ну, а потом будет что-то еще лучше, еще прекраснее, а то к чему же еще так наряжать меня? Уж конечно, потом будет что-то еще более величественное, еще более великолепное! Но что? Ах, как я тоскую, как томлюсь! Сама не знаю, что со мной делается!

— Радуйся мне! — говорили воздух и солнечный свет. — Радуйся своей юной свежести здесь, на приволье!

Но она ни капельки не радовалась; она росла и росла, зиму и лето стояла она зеленая; темно-зеленая стояла она, и все, кто ни видел ее, говорили: «Какая славная елка!» — и под рождество срубили ее первую. Глубоко, в самое нутро ее вошел топор, елка со вздохом пала наземь, и было ей больно, было дурно, и не могла она думать ни о каком счастье, и тоска была разлучаться с родиной, с клочком земли, на котором она выросла: знала она, что никогда больше не увидать ей своих милых старых товарищей, кустиков и цветов, росших вокруг, а может, даже и птиц. Отъезд был совсем невеселым.

Очнулась она, лишь когда ее сгрузили во дворе вместе с остальными и чей-то голос сказал:

— Вот эта просто великолепна! Только эту!

Пришли двое слуг при полном параде и внесли елку в большую красивую залу. Повсюду на стенах висели портреты, на большой изразцовой печи стояли китайские вазы со львами на крышках; были тут кресла-качалки, шелковые диваны и большие столы, а на столах книжки с картинками и игрушки, на которые потратили, наверное, сто раз по сто риксдалеров, — во всяком случае, дети говорили так. Елку поставили в большую бочку с песком, но никто бы и не подумал, что это бочка, потому что она была обернута зеленой материей, а стояла на большом пестром ковре. Ах, как трепетала елка! Что-то будет теперь? Девушки и слуги стали наряжать ее. На ветвях повисли маленькие сумочки, вырезанные из цветной бумаги, и каждая была наполнена сладостями; золоченые яблоки и грецкие орехи словно сами выросли на елке, и больше ста маленьких свечей, красных, белых и голубых, воткнули ей в ветки, а на ветках среди зелени закачались куколки, совсем как живые человечки — елка еще ни разу не видела таких, — закачались среди зелени, а вверху, на самую макушку ей посадили усыпанную золотыми блестками звезду. Это было великолепно, совершенно бесподобно...

— Сегодня вечером, — говорили все, — сегодня вечером она засияет! «Ах! — подумала елка. — Скорей бы вечер! Скорей бы зажгли свечи! И что же будет тогда? Уж не придут ли из леса деревья посмотреть на меня? Уж не слетятся ли воробьи к окнам? Уж не приживусь ли я здесь, уж не буду ли стоять разубранная зиму и лето?»

Да, она изрядно во всем разбиралась и томилась до того, что у нее прямо-таки раззуделась кора, а для дерева это все равно что головная боль для нашего брата.

И вот зажгли свечи. Какой блеск, какое великолепие! Елка затрепетала всеми своими ветвями, так что одна из свечей пошла огнем по ее зеленой хвое; горячо было ужасно.

— Господи помилуй! — закричали девушки и бросились гасить огонь. Теперь елка не смела даже и трепетать. О, как страшно ей было! Как боялась она потерять хоть что-нибудь из своего убранства, как была ошеломлена всем этим блеском... И тут распахнулись створки дверей, и в зал гурьбой ворвались дети, и было так, будто они вот-вот свалят елку. За ними степенно следовали взрослые. Малыши замерли на месте, но лишь на мгновение, а потом пошло такое веселье, что только в ушах звенело. Дети пустились в пляс вокруг елки и один за другим срывали с нее подарки.

«Что они делают? — думала елка. — Что будет дальше?»

И выгорали свечи вплоть до самых ветвей, и когда они выгорели, их потушили, и дозволено было детям обобрать елку. О, как они набросились на нее! Только ветки затрещали. Не будь она привязана макушкой с золотой звездой к потолку, ее бы опрокинули.

Дети кружились в хороводе со своими великолепными игрушками, а на елку никто и не глядел, только старая няня высматривала среди ветвей, не осталось ли где забытого яблока или финника.

— Сказку! Сказку! — закричали дети и подтащили к елке маленького толстого человечка, и он уселся прямо под ней.

— Так мы будем совсем как в лесу, да и елке не мешает послушать, — сказал он, — только я расскажу всего одну сказку. Какую хотите: про Иведе-Аведе или про Клумпе-Думпе, который с лестницы свалился, а все ж таки в честь попал да принцессу за себя взял?

— Про Иведе-Аведе! — кричали одни.

— Про Клумпе-Думпе! — кричали другие.

И был шум и гам, одна только елка молчмя молчала и думала: «А я-то что же, уж больше не с ними, ничего уж больше не сделаю?» Она свое отыграла, она, что ей было положено, сделала.

И толстый человечек рассказал про Клумпе-Думпе, что с лестницы свалился, а все ж таки в честь попал да принцессу за себя взял. Дети захлопали в ладоши, закричали: «Еще, еще расскажи!», им хотелось послушать и про Иведе-Аведе, но пришлось остаться при Клумпе-Думпе. Совсем притихшая, задумчивая стояла елка, птицы в лесу ничего подобного не рассказывали. «Клумпе-Думпе с лестницы свалился, а все ж таки принцессу за себя взял! Вот, вот, бывает же такое на свете!» — думала елка и верила, что все это правда, ведь рассказывал-то такой славный человек. «Вот, вот,

почем знать? Может, и я с лестницы свалюсь и выйду за принца». И она радовалась, что на завтра ее опять украсят свечами и игрушками, золотом и фруктами.

«Уж завтра-то я не буду так трястись! — думала она. — Завтра я вдосталь натешусь своим торжеством. Опять услышу сказку про Клумпе-Думпе, а может, и про Иведе-Аведе». Так, тихая и задумчивая, простояла она всю ночь.

Поутру пришел слуга со служанкой.

«Сейчас меня опять начнут наряжать!» — подумала елка. Но ее волоком потащили из комнаты, потом вверх по лестнице, потом на чердак, а там сунули в темный угол, куда не проникал дневной свет.

«Что бы это значило? — думала елка. — Что мне тут делать? Что я могу тут услышать?» И она прислонилась к стене и так стояла и все думала, думала. Времени у нее было достаточно.

Много дней и ночей миновало; на чердак никто не приходил. А когда наконец кто-то пришел, то затем лишь, чтобы поставить в угол несколько больших ящиков. Теперь елка стояла совсем запрятанная в угол, о ней как будто окончательно забыли.

«На дворе зима! — подумала она. — Земля затвердела и покрылась снегом, люди не могут пересадить меня, стало быть, я, верно, простою тут под крышей до весны. Как умно придумано! Какие они все-таки добрые, люди!.. Вот если б только тут не было так темно, так страшно одиноко... Хоть бы один зайчишка какой! Славно все-таки было в лесу, когда вокруг снег, да еще заяц проскочит, пусть даже и перепрыгнет через тебя, хотя тогда-то я этого терпеть не могла. Все-таки ужасно одиноко здесь наверху!»

— Пип! — сказала вдруг маленькая мышь и выскочила из норы, а за нею следом еще одна малышка. Они обнюхали елку и стали шмыгать по ее ветвям.

— Тут жутко холодно! — сказали мыши. — А то бы просто благодать! Правда, старая елка?

— Я вовсе не старая! — отвечала елка. — Есть много деревьев куда старше меня!

— Откуда ты? — спросили мыши. — И что ты знаешь? — Они были ужасно любопытные. — Расскажи нам про самое чудесное место на свете! Ты была там? Ты была когда-нибудь в кладовке, где на полках лежат сыры, а под потолком висят окорока, где можно плясать по сальным свечам, куда войдешь тощей, откуда выйдешь жирной?

— Не знаю я такого места, — сказала елка, — зато знаю лес, где солнце светит и птицы поют!

И рассказала елка все про свою юность, а мыши отродясь ничего такого не слышали и, выслушав елку, сказали:

— Ах, как много ты видела! Ах, как счастлива ты была!

— Счастлива? — переспросила елка и задумалась над своими словами. — Да, пожалуй, веселые были денечки!

И тут рассказала она про сочельник, про то, как ее разубрали пряниками и свечами.

— О! — сказали мыши. — Какая же ты была счастливая, старая елка!

— Я вовсе не старая! — сказала елка. — Я пришла из лесу только нынешней зимой! Я в самой поре! Я только что вошла в рост!

— Как славно ты рассказываешь! — сказали мыши и на следующую ночь привели с собой еще четырех послушать ее, и чем больше елка рассказывала, тем яснее припоминала все и думала: «А ведь и в самом деле веселые были денечки! Но они вернутся, вернутся Клумпе-Думпе с лестницы свалился, а все ж таки принцессу за себя взял, так, может, и я за принца выйду!» И вспомнился елке этакий хорошенький молоденький дубок, что рос в лесу, и был он для елки настоящий прекрасный принц.

— А кто такой Клумпе-Думпе? — спросили мыши.

И елка рассказала всю сказку, она запомнила ее слово в слово. И мыши подпрыгивали от радости чуть ли не до самой ее верхушки.

На следующую ночь мышей пришло куда больше, а в воскресенье явились даже две крысы. Но крысы сказали, что сказка вовсе не так уж хороша, и мыши очень огорчились, потому что теперь и им сказка стала меньше нравиться.

— Вы только одну эту историю и знаете? — спросили крысы.

— Только одну! — отвечала елка. — Я слышала ее в самый счастливый вечер всей моей жизни, но тогда я и не думала, как счастлива я была.

— Чрезвычайно убогая история! А вы не знаете какой-нибудь еще — со шпиком, с сальными свечами? Истории про кладовую?

— Нет, — отвечала елка.

— Так премного благодарны! — сказали крысы и убрались восвояси.

Мыши в конце концов тоже разбежались, и тут елка сказала, вздыхая:

— А все ж хорошо было, когда они сидели вокруг, эти резвые мышки, и слушали, что я им рассказываю! Теперь и этому конец. Но уж теперь-то я не упущу случая порадоваться, как только меня снова вынесут на белый свет!

Но когда это случилось... Да, это было утром, пришли люди и шумно завозились на чердаке. Ящики передвинули, елку вытащили из угла; ее, правда, больнехонько шваркнули об пол, но слуга тут же поволок ее к лестнице, где брезжил дневной свет.

«Ну вот, это начало новой жизни!» — подумала елка. Она почувствовала свежий воздух, первый луч солнца, и вот уж она на дворе. Все произошло так быстро; елка даже забыла оглядеть себя, столько было вокруг такого, на что стоило посмотреть. Двор примыкал к саду, а в саду все цвело. Через изгородь перевешивались свежие, душистые розы, стояли в цвету липы, летали ласточки. «Вить-вить! Вернулась моя женушка!» — щебетали они, но говорилось это не про елку.

«Уж теперь-то я заживу», — радовалась елка, расправляя ветви. А ветви-то были все высохшие да пожелтевшие, и лежала она в углу двора в крапиве и сорняках. Но на верхушке у нее все еще сидела звезда из золоченой бумаги и сверкала на солнце.

Во дворе весело играли дети — те самые, что в сочельник плясали вокруг елки и так радовались ей. Самый младший подскочил к елке и сорвал звезду.

— Поглядите, что еще осталось на этой гадкой старой елке! — сказал он и стал топтать ее ветви, так что они захрустели под его сапожками.

А елка взглянула на сад в свежем убранстве из цветов, взглянула на себя и пожалела, что не осталась в своем темном углу на чердаке; вспомнила свою свежую юность в лесу, и веселый сочельник, и маленьких мышек, которые с таким удовольствием слушали сказку про Клумпе-Думпе.

— *Конец, конец!* — *сказало бедное деревцо.* — *Уж хоть бы я радовалась, пока было время. Конец, конец!*

Пришел слуга и разрубил елку на щепки — вышла целая охапка; жарко запылали они под большим пивоваренным котлом; и так глубоко вздыхала елка, что каждый вздох был как маленький выстрел; игравшие во дворе дети сбежались к костру, уселись перед ним и, глядя в огонь, кричали:

— *Пиф-иаф!*

А елка при каждом выстреле, который был ее глубоким вздохом, вспоминала то солнечный летний день, то звездную зимнюю ночь в лесу, вспоминала сочельник и сказку про Клумпе-Думпе — единственную, которую слышала и умела рассказывать... Так она и сгорела.

Мальчишки играли во дворе, и на груди у самого младшего красовалась звезда, которую носила елка в самый счастливый вечер своей жизни; он прошел, и с елкой все кончено, и с этой историей тоже.

Кончено, кончено, и так бывает со всеми историями.

Сказки на <https://fairytale.site/>